

УДК 7.08

Г. Н. Омарова

доктор искусствоведения профессор Казахской национальной академии искусств
имени Т. Жургенова, г. Алматы, Казахстан
e-mail: ogulzada@mail.ru

Эпос как источник изучения этногенеза и музыки тюркских народов

В статье поднимаются проблемы комплексного изучения эпоса и эпических традиций тюркских народов. Как художественное творение эпос есть система, в которой поэзия и музыка (вокально-инструментальная) представлены в неразрывном единстве; в плане содержания эпос – это история, идеология, мировоззрение и духовная традиция народов. Автор на примере исследований С. Кондыбая демонстрирует, как эпос (в частности, ногайлинский цикл героического эпоса) становится одним из серьезных источников изучения этногенеза казахского народа. Имея в виду разнообразные национальные версии тюркского эпоса (начиная с эпоса «Алпамыс»), автор считает важным сравнительно-историческое его изучение не только в области филологии, но и музыки. В частности, в статье обращается внимание на «гортанный» стиль эпического исполнительства (кармакчинский стиль пения у казахов, эпические образцы каракалпаков и туркмен и др.), которое восходит к горловому пению древних тюрков.

Ключевые слова: эпос, сравнительно-историческое изучение, этногенез, музыка тюркского эпоса, гортанный стиль пения.

Г. Н. Омарова

Эпос – түркі халықтардың этногенезін және музыкасын зерттеу қайнары

Мақалада түркі халықтарының эпосын және эпикалық дәстүрін зерттеу мәселелері көтеріледі. Көркем шығарма ретінде эпос өзінің поэзиялық-музыкалық (вокалды-аспаптық) тұтастығымен бір жүйені құрайды; мазмұн жағынан эпос – әр халықтың тарихы, идеологиясы, дүниетанымы және рухани дәстүрі. Автор С. Қондыбай зерттеулерінің үлгісінде эпоса (дәл айтқанда, батырлар жырларының ногайлы циклінде) қазақ халқы этногенезінің кейбір салмақты негіздері табылатынын көрсетеді. Түркі эпосының түрлі ұлттық нұсқаларын («Алпамыстан» бастап) еске алғанда, тек филологияда емес, музыкатануда да салыстырмалы-тарихи зерттеудің маңыздылығы зор. Мақалада автор көне түркілердің көмеймен айту дәстүрінен бастау алған эпикалық орындаушылықтағы «көмекей» стиліне (Кармакшы өңірінің қазақтарында, каракалпақтарда, түрікмендерде, т.б. халықтарда) ерекше көңіл аударады.

Түйін сөздер: эпос, салыстырмалы-тарихи зерттеу, этногенез, түркі эпосының музыкасы, «көмекей» орындаушылық стилі.

G. N. Omarova

Epos as a source of study of ethnogenesis and music of Turkic peoples

In the article called "Epos as a source of study of ethnogenesis and music of Turkic peoples" the problems of comprehensive study of epos and epic traditions of Turkic people arise. As an artistic creation epos is a system in which poetry and music (vocal-instrumental) are presented in inseparable unity; epos in terms of content presented as history, ideology, world-view and spiritual tradition of peoples. The author on the example of S.Kondybay shows how epos (particularly, Nogai cycle of heroic epos) became one of the most important sources of study of the ethnogenesis of Kazakh people. Considering various national versions of Turkic epos (beginning with "Alpamys" epos), the author considers its comparative-historical study important not only in the sphere of philology, but music as well. In particular, in the article the attention is paid on the throat style of epic performing (Karmakchin style of singing of Kazakhs, epic images of Karakalpaks and Turkmens etc.), which goes back to the throat singing of ancient Turks.

Key words: epos, comparative-historical study, ethnogenesis, music of the Turkic epos, throat style of singing.

Положение «эпос как система» (с точки зрения, хотя бы, структурной целостности поэтически-речевого, вокального и, зачастую, музыкально-инструментального начал) все еще

не является исходной посылкой, принципиальной научной позицией в деле изучения эпических традиций. В данной статье мы лишь констатируем существующий факт разделъ-

ного изучения эпоса по отраслям современных гуманитарных знаний. При этом, признавая определенный приоритет филологических наук, скажем лишь, что такие важные с точки зрения целостного представления об эпосе явления, как особая манера эпического интонирования, энергетически-динамическая значимость ритма (как поэтического, так и музыкального), отнюдь не пассивная роль музыкального инструмента в структуре музыкально-поэтического текста, отсылают нас к далекому, чуть ли не природному, единоначалию словесного и музыкального [1].

В культурном наследии народов (и не только тюркских), эпос и эпические творения занимают особое место: это память и художественно воплощенная история народа, это идеология и, шире, духовная манифестация, это мощный мировоззренческий «столп» культуры, наконец, это – Традиция. Традиция же, по весьма точному выражению Ауэзхана Кодара, это «то, что удерживает нас в культуре и истории» [2, 70]. Действительно, невозможно представить себе далекие исторические времена, эпохи и культуры без эпических памятников, связывающих современность как с древностью («Эпос о Гильгамеше», «Илиада» и «Одиссея», «Махабхарата», «Калевала»), так и Средневековьем («Песнь о Нибелунгах», «Шахнаме», «Песнь о Роланде»).

Что касается эпоса как источника этногенеза, то приведу всего лишь один пример, свидетельствующий о плодотворности комплексного изучения эпических текстов. Речь идет об исследованиях талантливого ученого Серикболсына Кондыбая. В своей книге «Есен-казак» [3] Кондыбай через анализ эпической традиции, созданной в средневековые племенами и родами мангыстауского региона (Младший жуз), актуализирует и глубоко исследует проблемы этнической истории казахов эпохи Позднего Средневековья и в частности – послемонгольского периода, когда именно в период падения Золотой Орды в XIV веке начался весьма сложный процесс кристаллизации, образования этнических целостностей и последующей их консолидации в рамках Казахского ханства.

С. Кондыбай, который глубоко изучил казахскую мифологию [4], на основе анализа текстов т.н. «ногайлинского цикла» казахского героического эпоса, а также топонимики Мангыстау и Западного Казахстана, высказывает свою версию сложения данного цикла, на основе чего им исследуются и вопросы этногенеза племен и родов исследуемого региона.

Основная (исходная) идея автора заключается в том, что название «Қырымның қырық батыры» – «Сорок крымских батыров» – на самом деле должна звучать как «Қырдың қырық батыры» – «Сорок степных батыров»¹. Более поздняя привязка (XVI-XVII вв.) эпоса к полуострову Крым и, соответственно, к крымским татарам, по мнению исследователя, не выдерживает критики [3, 46-55].

Исследуя генезис эпической традиции западноказахстанского региона, исследователь дает мифо-эпическую трактовку названия «Қырымның қырық батыры» как сорок батыров верхнего мира или солнечные, солярные герои². Возникновение же ногайлинского цикла, ставшего позже общим для ряда тюркских народов, входивших в этнополитическое объединение «ногай» (казахи, татары, башкиры, ногайцы и др.), С.Кондыбай связывает с XIV веком и территорией Западного Казахстана, которая стала не только ареной жестокой борьбы между золотоордынскими ханами за престол, но и зоной формирования пассионариев, которые уже тогда называли себя «казак» (в известном значении «вольница» – людей, отделившихся от своего рода, племени, государства, добывавших средства к существованию участием в военных предприятиях).

Основу консорции так называемых есен-казахов, по Кондыбаю, составили военные отряды под предводительством легендарного Амета, сына Асана³, отделившегося от хана Золотой Орды аз-Жанибека (не путать с ханом Жанибеком Казахского ханства) в середине XIV века, которое и признается автором как время сложения первоосновы эпоса «Қырымның қырық батыры». Различные героические события этого времени в среде «есен-казахов» на плато Устюрт («Қыр», местность *Есен-қазақ*, встречающееся в эпосе, место обитания перебравшихся с берегов Едилы-Волги и Жаика-Урала воинствующих групп) и стали «сырьем»,

¹ Қыр – холмистая степь или степь с возвышенностями, горами.

² «Қырым». В казахской мифопоэтике – страна, земля, где живут избранные герои. Существует словосочетание «Қырымның қырық батыры» (сорок батыров Крыма), означающее воинское сообщество, воинскую дружину, где цифра «сорок» – показатель множественной целостности, продукт суфийского миропонимания. Сорок батыров часто безымянны, они помогают главному герою эпоса, их призывают на помощь» [4, с.165].

³ В казахской мифопоэтической традиции Амет Айсылулы встречается под самыми разными именами – Айсаулы Әмет, Айсаулы Ахмет, Асанұлы Абат, Асанұлы Абақ [4, 43].

исходной основой в виде отдельных легенд и эпических сказаний («Эмет батыр», «Асан қайғы, Абат, Тоған» и др.), на которую затем накладываются в XVI в. эпические сюжеты ногайлинского времени – «Орақ-Мамай», «Едіге батыр», «Қарасай-Қази» и другие, которые составили второй период сложения «крымского» эпического цикла.

Парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда проживающие на западе «ногайлинцы» оказались в составе других, часто далеких, этно-территориальных общностей, но не среди родов Младшего жуза, занимающего ту же самую территорию, объясняется, по мнению Кондыбая, только фактором иного генезиса и иной структуры, раскрывающей *самостоятельность* этнической и территориальной целостности алшынских родов (байулы, алимулы). Однако племена алаша или алшын, так и не ставшего самостоятельным этническим субстратом в ногайский период (XIV-XVI вв.), оставались в тени сначала «ногаев» Золотой Орды, а затем «мангытов» Ногайской Орды, а в XIV веке попытались восстановить утерянный этноним «казах». В силу исторических событий XV века (отделение ханов Жанибека и Керей от Абулхаир-хана и образование ими Казахского ханства) актуализировалось другое значение этого названия («қазақпылық ету» – казаковать), а позже этноним «казах» стал общей принадлежностью нового этноса в целом [3, 259-260]. В контексте сказанного становятся понятными часто цитируемые строки эпических текстов:

Алаш, алаш болғанда⁴,
Когда алаш был алашем,
Әлім еді ағасы,
Его старшим братом (был) Алим,
Шолпан еді анасы...⁵
А матерью – Шолпан

Или:

Алаштан қазақ тараған
От алаша идут казахи,
Ноғайлыға қараған.
Оказавшиеся (под) ногаями.
Жауға алдырмай ноғайлар
Были ногаи дружны,
Бір біріне жараған.
Давая отпор врагам.

Ноғайдан қазақ бөлініп
От ногаев отделились казахи
Үш жүз болып тараған.

Распределившись на три жуза.

Еще одно часто встречающееся в различных текстах ногайлинского цикла и малых эпических жанрах (толғау) клише –

Он сан ноғай бүлгенде,
Когда началась смута среди
десяти колен ногайцев
Ормамбет би өлгенде,
Когда умер Ормамбет би,
Ордың кара ағашы
Когда столп (опора) «рая»
Аспанға ұшып кеткенде
Улетел в небо

.....
Орманбет би өлген күн,
День, когда погиб Орманбет би,
Он сан ноғай бүлген күн
День, когда началась смута
среди десяти колен ногайцев
(подстрочный перевод наш – Г.О.)

– заставляет исследователей искать в эпосе отражения исторических коллизий, связанных с разлукой родов и событиями XV-XVI вв., когда одни и те же роды оказывались в составе Ногайской Орды, ханства Абулхаира (ушли затем с ним в Среднюю Азию) и Ак орды. Соответственно, реальным прототипом Орманбет бия признается то один из последних золотоордынских ханов – Улуг Мухаммед (Шакарим Кудайбердыулы и др.), то Орманбет би, последний бий «больших Ногаев», потомок Едиге (М. Тынышпаев). Известный советский эпосовед А. Маргулан, считал, что Орманбет би есть легендарный Алаша-хан, а под этим легендарным и эпическим персонажем подразумевается Орыс-хан, потомками которого были Жанибек и Керей. Мнение А. Маргулана подержал Е. Абиля [5, 50-57].

С.Кондыбай же считает, что исторические события XIV-XVI веков, в частности, те, которые были связаны с борьбой ханов за трон и описанные в письменных источниках, нашли не прямое, а лишь косвенное отражение в «крымских» эпических текстах 1-го периода, а указанное клише *Ормамбет би өлгенде*, встречающееся в эпосах и 2-го (XV -XVI вв.), и 3-го (XVII-XIX вв.) периодов является символом и отзвуком самых первых трагических событий конца XIV века, который является некой «точной отсчета» крушения Космоса, «предчувствием финала» в мифо-эпической традиции.

Поэтому Ормамбет, по мнению С.Кондыбая, не является историческим лицом; это, скорее, легендарный и даже мифический собира-

⁴ Имеется в виду именно ядро алаша – Байулы.

⁵ Алимулы по шежире старше Байулы.

тельный образ: если «Орман» («Орым», «Ұрым») – означает в мифологии «свой Космос», «свой народ» («қазақ пен ноғай айырылды, қара орманым қайырылды» - когда расстались казахи и ногайцы, разрушился Космос), то бий Орманбет воплощает в себе некоего первочеловека, устроителя Космоса, его царя. Он подобен таким «архетипичным» и «трафаретным» мифическим персонажам, как Асан-кайгы (философ, посвятивший свою жизнь поиску для казахов земли обетованной) или Майкы-би (праотец, первопредок казахов) [3, 176-177]. «Орманбеттің өлуі – «аңыздық ғаламның опат болуы» деген сөз, қазақ халқын құраушы көшпелі қауым ерте замандарды айтпағанның өзінде 14-17 ғасырларда бірнеше тарихи ойран болуларды басынан өткізді. Бұлар бүгінгі қазақ, ноғай, өзбек ұлттарының қалыптасуының басы болғанымен, сол кезеңдегі тілі мен діні, әдет-ғұрпы мен мәдениеті, таным-түсінігі жақын Дешті-Қыпшақтың суперэтникалық психологиясы үшін трагедия болған еді», – пишет исследователь.

Трагизм же ситуации, наступление хаоса того времени заключается в первом, «знаковом» расставании «ногайского журта», когда родственные племена оказывались в разных политических объединениях (Орыс-хана, Токтамыса и Тимура) и, разделенные на противоположные части, враждебные лагеря, вынуждены были воевать друг против друга:

Алаш алаш болғанда
 Когда алаш был алашем
 Алаша хан болғанда
 Когда жил еще Алаша хан
 Қазақ, қалмақ, ноғайлар
 Казахи, калмыки, ногаи
 Бәрі сонда бір болған
 Были тогда вместе
 Ынтымағы жарасып,
 Были дружны,
 Жайкүн көлдей бай болған,
 Были богаты, как озеро Жайкүн
 Еділ, Жайық, Оралға
 На берегах Едилы, Жайка и Урала
 Ортан көлдей жайылған,
 Вольготно жили,
 Өзбек хан, Жәнібек өлген соң,
 Когда умерли Өзбек хан и Жанибек,
 Токтамыс, Темір болған соң,
 И пришли Токтамыс и Тимур
 Ел ішіне жік түсіп,
 Раскололся народ,
 Үш бөлек болып айырылған...
 И расстался, разделившись на 3 части...

Итак, приводя здесь в качестве примера научные изыскания Серикболсына Кондыбая и

других ученых, мы считаем, что весьма результативными могут оказаться этно-исторические (как и сравнительно-типологические) исследования и в области *музыкального языка* эпических традиций тюркских народов.

В целом огромный мир эпоса и эпических традиций тюркских народов Центральной Азии еще не до конца раскрыт. Этот мир поражает в первую очередь своими широчайшими пространственными и временными координатами: эпос, стадийно очень разный, отмечен у всех народов, говорящих на тюркских языках. Поэтому эпические памятники являются бесценными по своему значению источниками изучения не только истории и этногенеза, но и языка, литературы, этнической культуры, обычаев, традиций тюркских народов. Особо хочу сказать о *музыке эпоса*: эта та сторона, которая изучена очень мало по сравнению с поэтическими текстами. Между тем, когда мы говорим о богатстве, красочности, образной выразительности эпических произведений, то наряду с поэтикой вербального языка, далеко не последнюю роль в общем воздействии на слушателя играет музыка и музыкальные инструменты, как правило, сопровождающие сказывание и пение у тюркских народов [1].

В Казахстане несколько лет назад был исполнен со сцены Ауэзовского татра эпос «Алпамыс» с одновременным участием сразу пятерых или шестерых сказителей. Они были представителями разных регионов Казахстана – Запада (Мангыстау и Актобе), юго-запада (сырдарьинский регион) и Жетису (Алматинская область). Эпос, его все ключевые моменты, связанные *ал-қисса* (прозаическая речь ведущего), прозвучал, таким образом, в разных, главным образом, музыкальных версиях (поэтический текст, несмотря на варианты, все же, един по сути). Публика получила настоящее эстетическое наслаждение! То есть даже в рамках одной национальной эпической традиции «Алпамыс» был представлен столь разнообразно и прозвучал в нескольких музыкально-стилистических вариантах. А представьте себе, если бы это эпическое полотно прозвучало в исполнении алтайцев («Алып-Манаш»), казахов (восточных и западных регионов Казахстана) и каракалпаков («Алпамыс»), татар и башкиров («Алпамыша и Барсын-Хылуу»), киргизов и узбеков («Алпамыш»), то есть всех тех тюркских народов, у которых он бытует?! А ведь у тюркских народов, как их общее музыкально-

поэтическое наследие, есть еще такие эпосы, как «Кор оглы», «Кобланды», «Едиге»...

Что нам мешает воплотить в жизнь такие международные проекты, которые смогут на самом деле, реально продемонстрировать всему миру действительное богатство и разнообразие тюркского эпоса, который не культурный мемориал, а – ЖИВЫЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ? Эти традиции в поэтических текстах покажут все разнообразие тюркских языков, множество вариантов (вербальных) эпических произведений. В отношении же музыки это будет само многообразие тюркских культур и их музыкальных стилей – якутские олонхосуты с фальцетным пением, южно-сибирские тюрки, исполняющие эпос с горловым пением (в сопровождении разных музыкальных инструментов), киргизские манасчи с выразительным, почти что музыкальным речитативом, казахи западных регионов (Актобе, Атырау и Мангыстау), юго-запада (аральское и кармакчинское пение), Жетису, Арка и Южного Казахстана в сопровождении домбры, туркмены (также из разных регионов) и узбеки в сопровождении дутара, каракалпаки в сопровождении кобыза, башкиры с протяжными узляу и кураем, азербайджанские ашуги с их красочным, настоящим восточно-цветистым (микроральтерационным) пением...

Интересно, что в музыке почти всех тюркоязычных народов сохранилась непосредственная или опосредованная связь с мощным, феноменальным явлением древнетюркской музыкальной культуры, с ее, можно сказать, основанием, – традицией горлового пения, которая очень хорошо сохранилась в некоторых древних, в т.ч. эпических традициях восточных тюрков (южно-сибирский регион). Музыка же западных тюрков – казахов (юго-запад), каракалпаков и туркмен, несмотря на огромное влияние других музыкальных систем (иранских), именно в эпических традициях сохранила связь с горловым пением, и как музыкально-ладовой системой, и как особой манерой звукоизвлечения – «хриплой», «гортанной». Поэтому этот особый стиль исполнения как реликт горлового пения наблюдаем: в юго-западной кармакчинской эпической традиции жырау в сопровождении домбры, в традиции каракалпакских жырау в сопровождении кобыза, в сходной манере пения в мангыстауской и туркменской эпической традиции (бакши-дестанчи).

Таким образом, изучение эпических традиций в этномузыкознании, как и комплексные научные изыскания в тюркском эпосоведении, открывают широчайшие возможности применения сравнительно-исторических методов и, шире, – методологии компаративистики.

Литература

- 1 Омарова Г. Казахская инструментально-эпическая традиция в системе тюркской культуры // Этнокультурные традиции в музыке: Материалы конференции, посвященной памяти Т. Бекхожиной. – Алматы, 2000. – С. 304-308.
- 2 Кодар А. Степное знание: очерки по культурологии. – Астана: Фолиант, 2002. – С. 70.
- 3 Қондыбай С. Есен-казак. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2006. – С. 46-55, 176-177, 259-260.
- 4 Қондыбай С. Казахская мифология / Краткий словарь. – Алматы: издательство «Нурлы Алем», 2005.
- 5 Абиля Е. Этногенез казахов. Опыт системного подхода. – Кустанай, 1997. – С. 50-57.

References

- 1 Omarova G. Kazahskaya instrumental'no-epicheskaya traditsiya v sisteme tyurkskoy kul'tury // Etnokul'turnye traditsii v muzyke: Materialy konferentsii, posvyaschennoy pamyati T. Bekhozhinoy. – Almaty, 2000. – S. 304-308.
- 2 Kodar A. Stepnoe znanie: ocherki po kul'turologii. – Astana: Foliant, 2002. – S. 70.
- 3 Qondybay S. Esen-kazak. – Almaty: «Arys» baspasy, 2006. – S. 46-55, 176-177, 259-260.
- 4 Kondybay S. Kazahskaya mifologiya / Kratkiy slovar'. – Almaty: izdatel'stvo «Nurly Alem», 2005.
- 5 Abil' E. Etnogenez kazahov. Opyt sistemnogo podhoda. – Kustanay, 1997. – S. 50-57.